

ДУХОВНОЙ ПИЩЕЮ

ТОМИМ

ЗАМЕТКИ О СЛИЯНИИ ОБЩЕПИТА С ИСКУССТВОМ

Моя жена утверждает, что вовсе не труд создал из обезьяны человека, а роскошь. Не потребность в хлебе, а потребность в десерте. Не шкура, не дотая на голое тело, а облегчающий это тело шелк.

Сначала я спорил, пытался обратить глаза ее зрачками в диалектический материализм, но потом, как вы сами понимаете, махнул рукой. Но не только потому, что с женою спорить нельзя вообще, а по причинам гораздо более существенным.

Тут недавно вышел такой случай. Артисты одного из заметнейших наших театров провели эксперимент. И, надо сказать, рискованный эксперимент, потому что нам, воспитанным в пролетарском, а еще раньше — в дворянско-интеллигентском духе, должно было казаться, что участвовать в подобном мероприятии неприлично. Не с руки жрецам высокого искусства из храма Галли переходить, хотя бы и на время, в храм Вакха и услаждать тамошних жующих и пьющих музыкою, словом и драматическим искусством. На презентациях — под микорку и телекамеру — еще куда ни шло, но в ресторане...

И здесь, мне кажется, необходимо одно длинное отступление.

В числе ламентаций и горестных вздохов о гибнущей культуре, в числе постоянно поминываемых в качестве обреченных библиотек, храмов, театров, музеев и других обиталищ духа почти не упоминаются обиталища иных, вполне насущных и, стало быть, законных потребностей человека.

Так уж сложилась наша российская традиция, что обо всем, относящемся к духу, мы говорим прямо и гордо, а обо всем, относящемся к презренной плоти, — исключительно

шепотом. Евангельское «не хлебом единым» вспоминается до неприличия, до подозрения в ханжестве часто, а, к примеру, историю с пятью хлебами и двумя рыбами, которыми накормил Христос пять тысяч человек, знают только немногие — верующие да образованные босяки... А ведь было это действие чем-то вроде общественной столовой или ресторана, где люди сидели «рядом по сто и по пятидесяти», а хлеб и рыбу разносили ученики, превратившиеся, таким образом, временно в официантов. И осязалося это коллективное принятие пищи присутствием самого Господа.

То есть Духом святым освящалось, и нат, стало быть, ничего зазорного в причислении плотских потребностей к так ревностно оберегаемой духовности культуры.

Другое дело, что рестораны наши (не говоря уж о столовых и прочих забегаловках) никакого отношения к тому, что в словарях называется «совокупностью материальных и духовных ценностей, выработанных за века человечеством», не имеют. Сыграла ли тут роль традиция, упиравшаяся больше на изображение в литературе и театре сивушного трактирного быта, кабацкого разгула и ресторанных кутежей, или голод наш постоянный, судить не берусь, но знаю, что за последние 70 лет слово «ресторан» вообще превратилось едва ли не в бранное, неприличное, или уж сладко-запретное, где «девочки танцуют голые и дамы в соболях»... Так что пустыня, надвигающаяся на нашу культуру, захватывает и эту область, и спасение ее необходимо начинать уже сейчас совокупно с библиотеками, театрами, музеями...

Но кому же и спасать, как не хранителям духа? Как не жрецам храма искусства?..

А, с другой стороны, были ведь и иные традиции. Те, например, что вычитываются из ностальгических бунинских строк: «Я возил ее обедать в «Прагу», «Эрмитаж», «Метрополь», после обеда в театры, на концерты, а там к «Яру», в «Стрельну»... Бог ты мой, разве позволила бы героиня «Чистого понеделника» возить себя в какое-то неприличное?

А ныне-то куда?

Всей информации о ресторанах — только слухи, да рецензии, помещаемые на меня и обслуживание в «Коммерсанте». Хотя, между прочим, какие-то названия — знакомые по Бунину, по Гиляровскому, по иным многим, по рассказам старожилов московских — уже возвращаются, возникают из забытия пролетарского существования, как воскрес недавно из безликого «Берлина» знаменитый когда-то «Савой», бывший в последние годы до советской власти одним из самых заметных и престижных заведений первопрестольной...

Мне объяснили, что нынешние его владельцы не хотят слышать у себя обычного ресторанный гуля и куда, не хотят, чтобы посетители приходили сюда с прикупленными на вечер «девочками», а хотят вернуть этому «предприятию общепита» солидную семейную репутацию. И потому искали они для праздничного вечера не что-то такое терпкое, не манер дилетантского кабре, напоминающего парижских «Блю белл герлз» исключительно голизною бюстов, а нечто именно семейное, теплое, человеческое. Стало быть — культурное.

И нашли — артистов Театра сатиры.

Но заметки эти — не рецензия на концертную программу артистов Ольги Сурковой, Андрея Зинина, Александра Вое-

водина, Владимира Радченко и ведущей вечера Марины Коростылевой. Рецензировать можно только то, что сравнимо с чем-то, подобным себе по виду искусства, а коли сравнивать не с чем... И даже не дань уважения решившимся нарушить публично давнюю нашу традицию пренебрежения людьми высокого искусства людей застолья, и наоборот.

Эти заметки — попытка задуматься над простым, в сущности, вопросом. Сумеет ли в новых условиях культура наша проникнуть в такие области, куда ее и на порог не пускали? Или куда она сама не считала возможным вступать? Потому что если проникнет, да если ее примут, то, право же, легче будет и библиотекам, и музеям, и театрам...

А что касается самого концерта, то, помимо серьезного профессионализма, да стремления не просто хорошо выступить, но и предложить обществу, ничего необычного в нем не было. Были романсы, песни, сцены из спектаклей, были, конечно же, анекдоты (только без сальностей!), были викторины и конкурсы...

Хотя вот с одной из викторин вышел конфуз.

Артисты предложили публике несколько сцен и попросили ответить, из каких пьес или хотя бы из какого автора эти сцены. И только два человека во всем зале догадались, что автором был А. Н. Островский.

И возник замечательный повод для того, чтобы навсегда и напрочь обидеться: одним — на публику — за невежество, другим — на артистов — за высокомерие...

Но ничего подобного не произошло.

В зале смеялись. Одни — весело, другие — вот честное слово! — стеснительно, и тут-то именно я подумал, что не так уж неправа жена моя, переименовавшая энгельсовскую диалектику: в роскошной обстановке между хорошо одетыми людьми разных, как говорится, социальных ориентаций возникла роскошь человеческого общения. И, заметьте, на почве и на материалах культуры.

О. КУЗНЕЦОВ.